

Философская мысль

Правильная ссылка на статью:

Саяпин В.О. Цифровые сети: между конкретизацией и трансиндивидуальным в философии Жильбера Симондона // Философская мысль. 2025. № 4. DOI: 10.25136/2409-8728.2025.4.73998 EDN: MUSQAU URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=73998

Цифровые сети: между конкретизацией и трансиндивидуальным в философии Жильбера Симондона

Саяпин Владислав Олегович

ORCID: 0000-0002-6588-9192

кандидат философских наук

доцент; кафедра истории и философии; Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина

392000, Россия, Тамбовская область, г. Тамбов, ул. Интернациональная, 33

✉ vlad2015@yandex.ru

[Статья из рубрики "Муки коммуникации"](#)

DOI:

10.25136/2409-8728.2025.4.73998

EDN:

MUSQAU

Дата направления статьи в редакцию:

07-04-2025

Аннотация: В настоящей работе предпринята попытка с помощью теоретических положений французского философа Жильбера Симондона исследовать теорию цифровых сетей на пересечении концепции «конкретизации» (как процесса воплощения абстрактных структур в материальные практики) и концепции «трансиндивидуального» (коллективного измерения, выходящего за пределы отдельного индивида). Это позволяет по-новому взглянуть на современные цифровые технологии и общество. Кроме того, в статье утверждается, что, развивая теорию техничности как способа существования человечества наравне с религией, наукой и искусством, эволюция техничности достигает свою кульминацию именно в цифровых сетях, благодаря которым сам мир становится не только сетевым, но и техносоциальным. В этом случае цифровые сети есть не только результат конкретизации, который подобен становлению кристалла, но он, скорее подобен техническому ансамблю, глубоко взаимосвязанному технологическому и социальному образованию. В рамках исследования применялись

общенаучные методы, среди которых выделяются описательный метод, диалектический метод, а также методы анализа, наблюдения и синтеза. Следует подчеркнуть, что данная работа носит исследовательский характер и ставит целью осмысление цифровой сети как уникального техносоциального объекта, находящегося в постоянном эволюционном развитии. При этом в работе предлагаются три ключевые познавательные структуры для исследования цифровых сетей: процесс конкретизации, триадическая модель, объединяющая элементы, людей и технические ансамбли, а также анализ техничности, который прослеживает эволюцию от первоначального разрыва магического единства до роли элементов цифровых сетей как опор для трансиндивидуальных отношений. Кроме того, можно отметить, что совсем недавно концепция трансиндивидуальности стала центральной аналитикой для изучения взаимодействий между большими данными, алгоритмическими системами и цифровыми платформами в сетевых инфраструктурах. Цель данной работы – углубить современные интерпретации трансиндивидуальности, предложив два направления для исследования: во-первых, применение логики Симондона для изучения концепции цифровой сети, а во-вторых, более глубокое рассмотрение роли трансиндивидуальности в современных цифровых сетях.

Ключевые слова:

сущее, цифровые сети, метастабильность, гилеморфическая схема, конкретизация, трансиндивидуальное, трансдукция, диспарация, цифровая идентичность, сингулярность

В последние годы в современной философии заметно возрос интерес к творчеству Жильбера Симондона (1924–1989). Если когда-то его считали одним из самых недооцененных французских философов второй половины XX века, то теперь его труды активно изучаются и используются для анализа актуальных проблем в самых разных научных областях: от развития технологий и основ технической эстетики до создания новых способов познания и разработки социально-политических подходов. Кроме того, можно признать, что этот оригинальный мыслитель, увлеченный технологиями и обладающий философским складом ума, оставил после себя значительное и самобытное наследие^[1,2,3,4]. В духе французских просветителей Симондон искал создание философской системы, способной ответить на вызовы, порождаемые развитием технологий и общества, культурными изменениями и эволюцией психологии. Вот почему симондонианское наследие и сегодня служит для исследователей своего рода универсальным набором инструментов, позволяющим извлекать необходимые концепции по мере необходимости. Более того, главная особенность подхода Симондона – акцент на индивидуации как динамическом процессе становления (или онтогенеза) индивида через взаимодействие с техническими, социальными и материальными системами. Поэтому в нынешнюю цифровую эпоху, когда знания все больше фрагментируются и разделяются по отдельным областям, его философия предлагает целостное мировоззрение, объединяющее технологию, науку, психологию и философию. При этом он формулирует философию эмоций, стремясь разобраться во влиянии научно-технического прогресса на развитие цивилизаций. Его философская система, черпающая вдохновение как из древнегреческой физиологии, так и из кибернетики, представляет собой философию сингулярностей. Как и энциклопедисты, стремившиеся определить пределы человеческого знания, Симондон видит в философском удивлении некий центр постоянно расширяющегося круга познания. Это удивление перед тайнами природы и технологическими достижениями побуждало его к систематическому изучению процессов, лежащих в основе их возникновения и сохранения. В данной статье

предпринята попытка исследовать теорию «цифровых сетей» на пересечении концепции «конкретизации» (как процесса воплощения абстрактных структур в материальные практики) и концепции «трансиндивидуального» (коллективного измерения, выходящего за пределы отдельного индивида), которая открывает новые перспективы для анализа современных техносоциальных систем.

Стоит отметить, что Симондон рассматривал проблему индивидуации уникальных существ [\[5.с.112\]](#), опираясь на идеи, сформулированные такими выдающимися философами, как Аристотель, Фома Аквинский, Лейбниц и другими. Так, Аристотель рассматривал проблему индивидуации в рамках своей гилеморфической теории (*hyle* – материя, *morphe* – форма). Он считал, что этот союз потенциальной материи и актуальной формы и способен объяснить, как общие формы (сущие) воплощаются в конкретных единичных существах. Например, медная статуя состоит из меди (материи) и идеи статуи (формы). Но чтобы объяснить, почему две статуи из одного материала являются разными индивидами, Аристотель конституирует материю еще как принцип индивидуации. То есть общая форма (например, медная сфера) может воплощаться во множестве статуй, но каждая из них уникальна благодаря меди, которая маркирует форму (занимает разное пространство, уникальные неровности, включения и т.д.). Однако: «Эта аристотелевская схема не имеет соответствий в реальном мире: *hyle* ($\square\lambda\eta$) на самом деле никогда не пассивна (о чем знает плотник, но упускает из виду философ), так же как неверно говорить о *morphe* (μορφή), которая просто накладывается на материю, не встречая сопротивления» [\[6.с.47\]](#). В дальнейшем средневековые интерпретаторы Аристотеля Фома Аквинский и Дунс Скотт получили также известность благодаря своим трактатам о первоначале. Аквинат вслед за Аристотелем утверждал, что материя является принципом индивидуации для телесных существ. В другом случае для бестелесных существ (ангелов) принцип индивидуации иной. Поскольку они лишены материи, их индивидуация происходит через форму. Поздние схоласти, такие как Дунс Скот, критиковали идею Аквината о материи как единственном принципе индивидуации. Скотт связывал индивидуацию не только с материей и формой, но и с существованием конкретных, неповторимых и позитивных вещей – их «этовостью» (*haecceitas*). «Именно «этовость» делает вещь индивидуальной, отличной от прочих вещей этого вида» [\[7.с.24\]](#). В эпоху Нового времени проблемой индивидуации глубоко интересовался Г.В. Лейбниц. Для Лейбница понятие «индивидуации» связано с метафизической уникальностью сущего, выраженного в его учении о монадах и о принципе тождества неразличимых [\[8\]](#). Иными словами, индивидуация в интерпретации Лейбница – это метафизическая данность, гарантированная уникальностью монад и божественным порядком. В XX веке основатель аналитической психологии Карл Густав Юнг разработал собственную теорию индивидуации как центрального процесса становления целостной личности. В отличие от Зигмунда Фрейда, который акцентировал роль бессознательных влечений и детских травм, Юнг рассматривал индивидуацию как путь к самореализации (или к становлению самости) через интеграцию сознательных и бессознательных аспектов психики [\[9\]](#).

В результате, в отличие от классических теорий, где индивид рассматривается статичное сущее. Симондон показал, что индивидуация – это непрерывное движение, в котором человек, технологии и коллектив взаимно конституируют друг друга. В этом случае Симондон отвергает представление об индивиде как готовой сущности. Для него индивид – это не только незавершенный процесс (постоянное становление через взаимодействие с окружающей средой: природой, техникой и обществом), но и трансдуктивный переход (или фазовый сдвиг) [\[10.с.30\]](#) между фазами существования, где каждая новая фаза возникает из напряжения между предыдущими состояниями. Другими

словами, любые фазы индивидуации (физические, биологические, психические, коллективные, технические и психосоциальные) – это лишь временные и ограниченные реализации единой космологической сингулярности, лишенной субъективности или четкой отправной и конечной точки. Но есть в этих фазах становления сущих определенная внутренняя энергия и динамика, которые Симондон и пытается осмысливать теоретически [11]. Кроме того, в симондонианской теории индивидуации: «...понятия субстанции, формы и материи заменяются более фундаментальными понятиями первичной информации, внутреннего резонанса, энергетического потенциала и порядков величины» [10, с. 42].

Итак, развивая идею функционирования современных цифровых сетей на пересечении концепций «конкретизации» и концепции «трансиндивидуального» можно отметить, во-первых, что конкретизация с опорой на теоретические положения Симондона [1] играет важную роль в их процессах индивидуации. В связи с этим рассматриваемая как технический аспект генезиса цифровых сетей конкретизация представляет собой динамичный процесс, посредством которого эти цифровые сети развиваются аналогично индивидуации живого индивида, который изначально уже обладают конкретностью. То есть в данном контексте конкретизация – это техническая фаза индивидуации, стремящаяся преодолеть социокультурное отчуждение, возникшее между человеком и техническими объектами цифровых сетей, такими как, например, большие данные (Big Data), компьютерные алгоритмы или цифровые платформы. Иными словами, концепция «конкретизации», выступает в противовес критическим подходам к научно-техническому прогрессу, который представляет фактор, приводящий к отчуждению человека от созданных им цифровых сетей. Поэтому опираясь на логику Симондона, современная конкретизация заключается в вовлечении человека в технический процесс, при этом разработка цифровых сетей должна рассматриваться как создание оптимальных условий для их функционирования, аналогично формированию среды обитания для живых организмов. В результате цифровые сети необходимо рассматривать не как нечто завершенное и неизменное, а как постоянно эволюционирующие сущие, формирующиеся в процессе конкретизации. В этом контексте важно понять, что отличает этот процесс конкретизации. Существует два ключевых аспекта. Во-первых, в процессе технологического развития цифровые сети проявляют стремление к самостоятельности. Соответственно, это не суммарное наращивание функций, а скорее процесс, при котором сами цифровые сети упрощаются, поскольку меняются задачи, выполняемые ее компонентами (большими данными, алгоритмами и платформами). Во-вторых, цифровые сети адаптируются и изменяются благодаря своей совместимости и возможности взаимодействия.

Здесь стремление к конкретике выступает не просто стимулом для процесса конкретизации, но и основой возникновения цифровых сетей, которые никогда не являются абсолютно конкретными. Со временем, взаимодействуя с окружающей средой и приобретая качества, напоминающие живое сущее, они постепенно утрачивают свою искусственность. В этом случае взаимодействие людей и алгоритмами цифровых сетей, оснащенных искусственным интеллектом, приобретает характер посредничества, соединяя нас с новыми сферами и возможностями. В этой ситуации техническое мышление пронизывает всю деятельность, связанную с цифровыми сетями, и само является формой изобретения. Кроме того, эту техническую мысль можно передавать, и она допускает участие. Более того, такая конкретизация цифровой сети развивается мгновенно, квантово, резко и окончательно, оставляя за собой двойственность: индивида и технико-географическую среду (как в случае движения индивидуации,

которая формируют кристалл из перенасыщенной жидкости). Цифровые сети и коллективы по мере своего развития создают собственную среду, наиболее приспособленную, когда она одновременно является технической и географической, относящейся как к сфере техники, так и к сфере мира. Термин «мир» не следует путать с «природой»: он уже постигнут изобретательной психикой человека; это воспринимаемый извне мир, где потенциалы уже заявлены и связаны с действиями человека. «Это двойное создание объекта и среды, – пишет Симондон, – может также рассматриваться как натурализация человека; между человеком и машиной создается технико-географическая среда, которая становится возможной только благодаря человеческому интеллекту»[\[1,п.56\]](#). То есть конкретизирующее изобретение реализует технико-географическую среду, которая до этого находилась в некой потенции. Однако в дальнейшем такая ассоциированная среда стала определяющим условием функционирования цифровых сетей. Следовательно, цифровые сети могут существовать в виде: элементов, индивидов и ансамблей.

Таким образом, цифровые сети не только предстают как высшая стадия развития техничности, точкой, в которой «мир становится технизованным»[\[4,п.86\]](#), но и отличаются от живых существ не через призму жизненного порыва, длительности и природы творчества, как предполагает Бергсон[\[12\]](#), а по степени сплоченности. Живой индивид никогда не достигает сплоченности и единства технического объекта, который «кристаллизует» все, что ему нужно, из своих доиндивидуальных сил (предварительное условие как индивидуации, так и конкретизации)[\[4,п.31-32\]](#) и сразу (то есть конкретен с самого начала). Другими словами, генезис цифровых сетей можно сравнивать с генезисом живых существ в той степени, в которой их индивидуация представляет собой «рекуррентную причинность» с соответствующей средой. Отсюда следует, что цифровые сети – это не просто материальные объекты, а все это напоминает человека. То есть то, что находится внутри цифровых сетей – это всегда некая человеческая реальность, человеческий жест, закрепленный и кристаллизованный в ее рабочие структуры (большие данные, алгоритмы и платформы). Более того, цифровые сети – это отложившиеся, фиксированные человеческие жесты, которые стали стереотипами и возможностями перезапусков. Вот почему цифровые сети – это двойники не человеческой руки, а действий, совершаемых рукой. В дополнение к сказанному, если взглянуть на цифровые сети в контексте их аналогов, то становится ясно, что они связаны с ними через историю своего происхождения. Таким образом, сами цифровые сети представляет собой не просто конкретные технические объекты, а скорее процесс их возникновения и развития, их эволюционный путь.

Эта история, подобно научной классификации видов (филогенетической систематике) прослеживает непрерывное становление цифровых сетей. Она всегда начинается с появления их функционального назначения, которые изначально возникают не как некое элементарное решение, а как реакция на важную задачу. Вместе с тем, опираясь на логику Симондона, можно утверждать, что изобретение – это не просто некий бездушный акт человека, а изобретательность, исходящая от самих цифровых сетей. С этого момента примитивный и изолированный технический объект цифровых сетей начинает эволюционировать и становится предком всего семейства, порождая при этом веер вариантов того же принципа или объединяя этот принцип в новые комбинации. Например, большие данные (Big Data) – это конкретные следы человеческой деятельности, превращения абстрактных действий (мысли, эмоции, перемещения) в цифровые сети. Другой пример: цифровая идентичность человека в социальных сетях не статична – она эволюционирует через лайки, комментарии, алгоритмические

рекомендации, формируя новые фазы его онлайн-присутствия. Подобную эволюцию можно было бы обозначить как естественную техническую эволюцию. Однако в этом техническом эволюционном процессе техническая память надежнее, чем человеческая память [13,14,р.162-187]. Техническая память сохраняет и повторяет все то, что в ней зафиксировано, в то время как человеческая память забывает содержание, но способна восстанавливать формы и вводить в действие новые коды. Между тем, нынешние модели и «ансамбли» цифровых сетей, оснащенные искусственным интеллектом, допускают не только получать новые кодировки от людей, но и способны вырабатывать их самим. И это неудивительно, учитывая колossalный научно-технический прогресс в современном обществе в области создания систем искусственного интеллекта – компьютерных алгоритмов и цифровых платформ со встроенными механизмами глубокого «машинного обучения».

Во-вторых, цифровые сети – это еще и пространственные технические объекты, которые не только являются посредниками (интерфейсом) между человеком и миром, но и сами находятся в трансиндивидуальных отношениях с людьми и другими техническими и природными объектами. Поэтому цифровые сети нельзя рассматривать изолированно от той части мира, которая состоит из людей, природных объектов, социальных контекстов, экономических условий и т.д. Иными словами, цифровые сети способствуют открытию новой технико-географической среды, которую люди разделяют с другими людьми и техническими объектами. В связи с этим цифровые сети могут не только адаптироваться к антропологическим и материальным условиям существования (производству, потреблению или посредничеству), но и адекватно приспособиться к той задаче, для которой они изготавлены. Например, алгоритмы цифровых сетей в технико-географической среде действуют как трансиндивидуальные акторы, которые формируют процессы связности (новые формы социальности), выходящие за пределы отдельного человека, но при этом не сводятся к «коллективному» или «универсальному». В таком контексте цифровые сети и социальные системы не только создают технико-географическую среду для взаимодействия, в которой происходит обмен энергией, информацией и эффектами, но и в этой динамической среде они совместно развиваются, то есть адаптируются друг к другу. Социальные нормы влияют на динамику развития дизайна цифровых сетей (например, регулирование приватности в социальных сетях), а цифровые сети, в свою очередь, трансформируют поведение человека и институтов. В этом случае, с опорой на идеи Симондона, «трансиндивидуальные отношения», необходимо четко отличать от того, что мы называем «межиндивидуальными отношениями». «Межиндивидуальное отношение идет от индивида к индивиду; оно не проникает в индивидов; трансиндивидуальное действие – это, то, что заставляет индивидов совокупно существовать как элементы системы, включающей в себя потенциалы и метастабильность, ожидания и напряжения, а затем открытие некой структуры и функциональной организации, которые интегрируют и разрешают эту проблематику инкорпорированной имманентности. Трансиндивидуальное переходит в индивида как от индивида к индивиду; индивидуальные личности конституируются благодаря перекрыванию, а не благодаря агломерации или благодаря специализированной организации, как разделение труда охватывает биологические единства, являющиеся физическими индивидами в их практических функциях. Трансиндивидуальное не локализует индивидов: оно заставляет их совпасть; оно заставляет индивидов коммуницировать с помощью сигнификаций; именно отношения информации первичны, а не отношения солидарности, функциональной дифференциации» [10,с.214].

В результате трансиндивидуальные отношения, связывающие воедино

доиндивидуальные зоны цифровых сетей, людей и природных объектов, не могут быть поняты в соответствии с существующими репрезентативными схемами мышления. Но это то, что можно пережить только как эффект. Поэтому, например, в описании Симондоном «трансиндивидуального» эффект является воплощенным показателем чрезмерной доиндивидуальной реальности, способной толкать индивидов и коллективы за фазовый порог к новым становлениям. В связи с этим Симондон полагает, что эффект – это дезориентирующее или разобщающее событие, в котором неосуществленные потенциалы всплывают на поверхность технико-географической среды, чтобы усилить настоящее [15, р. 8]. Иными словами, эффекты – это доиндивидуальные силы, существующие в трансиндивидуальной среде до их присвоения индивидом. Поэтому, например, эмоциональные столкновения, составляющие трансдуктивное становление цифровых идентичностей в социальных сетях (машинно-человеческие гибриды), следует понимать именно как такое событие разобщения, приводящее к мгновенному ослаблению хватки конституированной индивидуальности, которое ставит под сомнение антропоцентрическую функцию статичного и изолированного человеческого тела. Однако трансиндивидуальность здесь не что иное, как то, что должно быть изобретено. Более того, цифровые сети, оснащенные искусственным интеллектом, могут выполнить эту операцию. Поскольку эта операция содержит в себе что-то от человеческого бытия: непризнанного, материализованного, поработленного, но тем не менее человеческого. Это «нечто человеческое» является собственной доиндивидуальной реальностью цифровой сети, ее границей неопределенности, включающей силы и потенциалы, которыми этот технический объект наделяет коллектив в качестве семян для будущих фаз индивидуации [16].

Итак, опираясь на теоретические положения Симондона, можно отметить, что доиндивидуальные силы (или дотехнические силы) в самих цифровых сетях всегда метастабильны. Такое метастабильное техническое существование содержит в себе различные напряжения и несовместимые потенциалы, которые не стали техническими элементами цифровых сетей. То есть метастабильное состояние является всегда неполным или неустойчивым равновесием цифровых сетей, сохраняющееся до момента внешнего или внутреннего возмущения [10]. Например, в социально-техническом контексте это означает, например, что социальные сети никогда не имеют окончательной стабильности, но существуют в состоянии непрерывного становления. Отсюда следует, что цифровые сети являются метастабильными временными техническими объектами, и их технические траектории развиваются в результате трансдуктивных событий путем интеграции и преобразования доиндивидуальных элементов в новые цифровые сети. Кроме того, эти технические элементы (например, большие данные (Big Data), компьютерные алгоритмы или цифровые платформы) являются не позитивными строительными блоками, а процессами диспарации, то есть процессами, которые повторяют предыдущие процессы с небольшими различиями, благодаря которым становится возможным возникновение новых цифровых сетей. Однако эти новые цифровые сети также остаются такими же проблематичными, временными и изменяющимися, как и предыдущие. Поэтому метастабильный характер цифровых сетей всегда обусловлен сохранением доиндивидуальной нагрузки, то есть наличием определенного заряда потенциальной энергии, превышающего их организационную структуру. Здесь диспарация определяет тип трансдуктивной структуризации, который действует путем вовлечения двух разрозненных реальностей в проблемное напряжение, где технический элемент и цифровая сеть, доиндивидуальная среда и сингулярность – все это подвергается схожей перестройке.

В итоге возникает проблемное напряжение, которое разрешается через появление нового измерения в формировании цифровой сети. Следовательно, конкретизация всегда раскрывается одновременно как решение конфликта, открытие несовместимости и изобретение формы. Поэтому все цифровые сети содержат ассиметричное неравновесие, которое вызывает напряжение и требует новых изобретений для поддержания их равновесия. В этом случае техносоциальная активность эволюционного становления цифровых сетей вписано в некое трансдуктивное отношение. Трансдукция цифровых сетей – это процесс, в котором их техническая деятельность продолжается в непосредственной близости от нее путем работы и организации соседних регионов и создания, таким образом, новых цифровых сетей. Эти глобальные сети также являются временными объединениями разнородных технических элементов (Интернет, Big Data, алгоритмов, цифровых платформ, 5G, систем искусственного интеллекта Интернет-вещей и т.д.). В отличие от индукции и дедукции, трансдукция – это не теоретическое овладение ситуацией, а творческий способ решения практических проблем путем переноса старых технических элементов в новые цифровые сети и, следовательно, изменения самих элементов. Следовательно, трансдукция – это реляционная операция, условия которой не существуют до ее выполнения: они возникают в самом процессе.

Можно отметить, что включение технической реальности в концепцию культуры наряду с наукой и гуманитарными дисциплинами было одной из центральных задач Симондона, поскольку, только приняв во внимание техническое существование в мышлении, можно было рассмотреть отношение к технике, которое не является отчуждающим или разрушительным как для людей, так и для технических объектов. Вот почему в своих работах Симондон проводит различие между техничностью, то есть тем, что делает технологию технической, и полезностью, то есть тем, что делают технологии, что связывает их с потребностями отдельных людей и коллективов. Техничность относится к сущностной природе техники, которой соответствует «технический менталитет», связанный с внутренней логикой технических отношений. Техничность проявляется не только в каждом техническом устройстве и системе, но и сформировала современную культуру. Симондон считает, что полное развитие техничности приведет к примирению людей и машин в более высокой форме общества. В то время как мы обычно считаем технологии полезными, Симондон требует того, что необходимо называть эпохой – приостановкой суждений о полезности. Объяснение технического функционирования не должно путаться с целями человека, но должно основываться на законах развития независимого «способа существования» технологии. Эти законы управляют прогрессивным развитием, кульминацией которого сегодня являются цифровые сети – глобальные технические объекты цифровой эпохи. Следовательно, цифровые сети и повсеместное распространение так называемых «гаджетов» выводят вопрос о технике на первый план. Наше отношение к современному миру не только полностью опосредовано техническими устройствами, но и по большей части опосредовано одним большим устройством – Интернетом, который соединяет практически все виды человеческой деятельности.

Таким образом, несмотря на то, что важное вдохновение, которое мы черпаем у Симондона, – это его образ мыслей о трансиндивидуальности и технике вместе взятых, нам необходимо обрисовать и некоторую критику в его адрес. Поскольку его технический менталитет явно недооценивал техническую роль самого человека и его окружающего природного мира.

Во-первых, Симондон гениально открывая «черный ящик» технического объекта, но видит ли он предпосылки в некой техничности у самого человека? Конечно современные

антропотехники (интерфейсы мозг-компьютер, неокортикальные симуляции, загруженные файлы разума, корпорации как цифровые абстракции и т.д.) все больше начинают рассматриваться лишь в начале ХХI века. Однако смысл не в том, чтобы отбросить мышление Симондона вместе с теми технологиями, которые он постигал, а в том, чтобы спросить, помогает ли его философия техники нам понять современные цифровые технологии. Если Ж. Хоттуа прав, отмечая, что Симондон в конечном счете не помогает современной антропотехнике^[17]. И это не потому, что он не догадывался о таких технологических инновациях, а лишь в силу того, что его теория конкретизации техники остается довольно традиционной. Например, в подтверждение этого Б. Стиглер полагает, что когда Симондон постулирует дотехническое происхождение человеческой цивилизации, есть веские причины вместо этого следовать Леруа-Гурану и определять эту цивилизацию как изначально техническое^[18].

Во-вторых, М. Комбс также полагает, что Симондону не удалось продумать эффективные методы, которые нацелены на определенные формы субъективации и преобразования себя и мира^[19, p.98]. Примеры, которые приводит Комбс в обоснование своей критики, направлены на аскетические и шаманские техники самопознания и самосовершенствования. На наш взгляд, в подтверждении такой критики необходимо сослаться не только на техники самосовершенствования в целом, но и на сознательно построенные техники, описанные М. Фуко, а также на все навыки, основанные на привычках, начиная с ходьбы и умения разговаривать. Например, для А. Леруа-Гурана инструмент – это источник человека, и инструмент возможен благодаря прямому положению и короткому лицу, то есть как только человек ходит и разговаривает. Симондон знал более ранние работы Леруа-Гурана и ценил их. Возможно, способ существования предметных техник был бы антропологически богаче, если бы он смог прочитать его фундаментальную работу «Жест и пароль»^[20], опубликованную только в 1964 году.

Можно предположить, что с самого начала своей жизни человек является своим первым инструментом. И поскольку он не изобретает этот инструмент в одиночку, а приобретает его трансиндивидуальным образом, его отношение к нему никогда не может быть полностью сознательным, подлинным, мастерским. Музыкальные или лингвистические навыки дают наглядные примеры этого. Так, например, трансдуктивный процесс обучения говорить на новом языке или играть на инструменте включает в себя не только некие инстинкты, сформированные в детском возрасте, но и «взрослые» размышления об этом процессе. Как мы можем видеть, в области технического менталитета идея технико-географической среды является у Симондона наиболее убедительной и важной идеей. В этом случае такая ориентация на эту динамическую среду и на посредничество технического объекта позволяет ему преодолеть жесткую оппозицию между природным участком и технологическим контекстом. Действительно, в современной техносоциальной реальности кажется все более затруднительным провести четкую грань между природой и технологией, поскольку они слились в единую техноприродную среду, в которой природа обусловлена техникой в такой же степени, как техника – природой. Поэтому Симондон дает очень полезное описание нашей жизни с техническими объектами, которые становятся важными усилителями и регуляторами культуры в современную эпоху цифровых сетей. Однако он явно не принимает во внимание уклончивый и неконтролируемый аспект технических объектов, из-за которого эта техника всегда будет и опасностью, и спасением. И именно здесь Стиглер упрекает Симондона в том, что он не считает технический объект фармаконом: лекарством, которое может быть и ядом.

Библиография

1. Simondon G. *Du mode d'existence des objets techniques*. Paris: Aubier, 1958. 266 p.
2. Simondon G. *L'individuation psychique et collective*. Paris: Aubier, 1989. 293 p.
3. Simondon G. *L'individu et sa genèse physico-biologique*. Paris: Presses universitaires de France, 1964. 304 p.
4. Simondon G. *L'individuation à la lumière des notions de forme et d'information*. Grenoble: Millon, 2005. 571 p.
5. Свирский Я.И. Концептуальные особенности философской стратегии Жильбера Симондона // Идеи и идеалы. 2017. Т. 1. № 3 (33). С. 111–125.
6. Тинус Н.Н. Процесс и отношение: истоки автономистской теории индивидуации. 2021. № 1 (100). С. 44–59.
7. Скотт И.Д. Трактат о первоначале. М.: Изд-во Францисканцев, 2001. 182 с.
8. Лейбниц Г.В. Монадология. М.: РИПОЛ классик, 2020. 200 с.
9. Юнг К. Эон. Исследования о символике самости. М.: Академический проект, 2009. 340 с.
10. Симондон Ж. Психическая и коллективная индивидуация. М.: ИОИ, 2023. 704 с.
11. Styhre A. The concept of transduction and its use in organization studies // *Emergence: Complexity and Organization*. 2010. Vol. 12. № 2. P. 115–131.
12. Бергсон А. Творческая эволюция. Материя и память. Мн.: Харвест, 1999. 1408 с.
13. Stiegler B. *Technics and time. Part 1. The fault of Epimetheus* – Stanford, CT: Stanford University Press, 1998. 316 p.
14. Morizot B. Pour une théorie de la rencontre. Hasard et individuation chez G. Simondon. Paris: Vrin, 2016. 245 p.
15. Simondon G. The position of the problem of ontogenesis // *Parrhesia*. 2009. № 7. P. 4–16.
16. Sauvagnargues A. Simondon, Deleuze, and the construction of a transcendental empiricism // *The Warwick Journal of Philosophy* (Special volume: Deleuze and Simondon). 2012. P. 1–21.
17. Hottois G. *Technoscience et technoesthétique* // *La philosophie de Simondon*. Paris: Vrin, 2003. P. 98–100.
18. Stiegler B. Chute et élévation. Apolitique de Simondon // *Revue philosophique de la France et de l'étranger*. 2006. Vol. 131 (3). P. 325–341.
19. Combes M. Tentative d'ouverture d'une boîte noire. Ce que referme la 'question de la technique' // In *Technique, monde, individuation. Heidegger, Simondon, Deleuze*. Hildesheim: Europaea Memoria, 2006. P. 75–98.
20. Leroi-Gourhan A. *Le geste et la parole*. Paris: Albin Michel, 1964. 323 p.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Предмет исследования

Статья посвящена исследованию теории цифровых сетей через призму концепций «конкретизации» и «трансиндивидуального» в философии Жильбера Симондона. Автор изучает, как эти концепции помогают понять современные техносоциальные системы, процессы их становления и взаимодействия с человеком.

Методология исследования

Автор применяет историко-философский анализ, систематизируя взгляды Симондона и его предшественников на проблему индивидуации. В работе используется методология сопоставительного анализа философских концепций и их приложения к современным цифровым реалиям. Однако методология не эксплицирована достаточно четко, что создает впечатление описательного, а не аналитического подхода к исследованию.

Актуальность

Актуальность исследования несомненна. Возрастающий интерес к философии Симондона связан с его способностью объяснить отношения между человеком, техникой и социумом в эпоху цифровых технологий. Анализ цифровых сетей через концепции конкретизации и трансиндивидуального позволяет по-новому осмыслить современные технологические процессы и их влияние на человека и общество. Особенno ценной представляется попытка автора применить философские идеи Симондона к актуальным проблемам цифровизации.

Научная новизна

Научная новизна работы заключается в оригинальном приложении философии Симондона к анализу природы и функционирования цифровых сетей. Автор предлагает рассматривать цифровые сети не как статичные объекты, а как процессы становления, находящиеся в постоянной эволюции и взаимодействии с человеком и окружающей средой. Однако новизна несколько снижается из-за недостаточно глубокой проработки некоторых ключевых понятий Симондона и их применения к конкретным примерам современных цифровых технологий.

Стиль, структура, содержание

Стиль изложения академический, но местами чрезмерно усложненный, что затрудняет восприятие текста. Структура статьи недостаточно четкая – отсутствует явное разделение на введение, основную часть и заключение. Содержание раскрывает основные концепции Симондона, но некоторые из них трактуются недостаточно глубоко, а переход от теоретических положений к их приложению к цифровым сетям не всегда логически обоснован.

Текст перегружен абстрактными философскими конструкциями, что создает впечатление оторванности от конкретного технологического контекста. Не хватает более детального анализа конкретных примеров функционирования современных цифровых сетей.

Библиография

Библиография достаточно обширна и включает как основные труды Симондона, так и работы других философов, исследовавших проблемы индивидуации и техники. Однако можно отметить недостаток современных источников по теории цифровых технологий и их философскому осмыслению. Библиография могла бы быть дополнена работами современных исследователей цифровой культуры и техники.

Апелляция к оппонентам

Автор справедливо приводит критику идей Симондона со стороны таких мыслителей, как Б. Стиглер, М. Комбс и Ж. Хоттуа. Эта критика касается недостаточного внимания Симондона к технической роли самого человека, отсутствия эффективных методов, направленных на формы субъективации, и традиционности его теории конкретизации техники. Однако автор не предлагает собственного решения обозначенных противоречий и не развивает достаточно глубоко свою позицию относительно

упомянутой критики.

Выводы, интерес читательской аудитории

Выводы исследования представляются обоснованными, но не полностью раскрытыми. Автор правильно отмечает ценность идей Симондона для понимания современной техносоциальной реальности, но недостаточно развивает оригинальные перспективы применения его философии к конкретным проблемам цифровых сетей.

Статья представляет интерес для специалистов в области философии техники, теории медиа и цифровой культуры. Она может быть полезна для расширения теоретического понимания природы цифровых технологий, их эволюции и взаимодействия с человеком.

Заключение

Статья "Цифровые сети: между конкретизацией и трансиндивидуальным в философии Жильбера Симондона" представляет собой интересное исследование, предлагающее оригинальный взгляд на природу цифровых сетей через призму философии Симондона.